

ОБ ОДНОМ ОТЗЫВЕ НА МАРКЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ИЛИ О ПРАВОМЕРНОСТИ ОБОБЩЕНИЯ В НАУКЕ

О.Г. Артемова

Воронежский государственный технический университет, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; olgaartemova65@yandex.ru

Аннотация: Данная статья является продолжением полемики, развернутой на страницах журнала авторами статьи «Об одном маркемологическом исследовании художественных текстов, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам» Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой. В указанной статье, основанной на анализе результатов исследования, опубликованных в монографии О.Г. Артемовой «Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза», авторы критически оценивают как сам научный подход, так и полученные в ходе исследования результаты, а также предлагают результаты собственных экспериментов. Основным возражением, на котором базируется статья Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой, является генетический состав лексем, составляющих маркемные списки, выделенные в результате обработки текстов исследуемых английских авторов, а именно — превалирование лексики романского происхождения над ангlosаксонской лексикой. Практически все остальные возражения в той или иной степени проистекают из убежденности авторов в том, что среди ключевых слов английской литературы неизбежно должен преобладать англосаксонский пласт лексики. Тем не менее, хотя у нас есть много вопросов к процедуре проведения авторами собственных экспериментов, а также их сопоставимости с анализируемым маркемологическим исследованием, их результаты, на наш взгляд, в целом коррелируют с генетическим составом маркемных списков текстов английских писателей. В представленной статье даются аргументированные ответы на основные, с нашей точки зрения, возражения, высказанные Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой, а также формулируются основные положения маркемологии — лингвистического направления, в русле которого осуществляется формализованный содержательный анализ художественного текста.

Ключевые слова: формализованный анализ текста; содержательный анализ текста; закон Ципфа; маркемология; маркема; становление английского литературного языка; происхождение слова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-7

Для цитирования: Артемова О.Г. Об одном отзыве на маркемологическое исследование, или О правомерности обобщения в науке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 81–91.

ON ONE MARKEMOLOGICAL STUDY REVIEW, OR ON VALIDITY OF GENERALIZATION IN SCIENCE

Olga G. Artemova

Voronezh State Technical University, Voronezh State University, Voronezh, Russia;
olgaartemova65@yandex.ru

Abstract: The paper continues the dispute, which T.S. Zevakhina and M.M. Philippova started in their article “On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords” issued in one of the volumes of the journal. In their review of the book *Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles* by Olga Artemova, the authors criticize both the methodology and the results obtained. As an argument, they refer to the results of their own experiments. The authors’ major objection concerns the origin of markemes, i.e. prevailing markemes of Romance origin over Anglo-Saxon ones. The roots of nearly each objection of the authors lie in their conviction that the majority of literary keywords should be of Anglo-Saxon origin. There are many questions as to the procedure of their own experiments and their comparability with markemological study. Still we believe that the results the authors obtained and markemes origin in markemes lists follow each other in general. In this paper, we give reasons to basic objections raised by T.S. Zevakhina and M.M. Philippova and highlight the fundamental principles of markemology.

Keywords: formal analysis of text; content-based analysis; Zipf’s law; markemology; markeme; English literary language formation; word origin

For citation: Artemova O.G. (2025) On One Markemological Study Review, or on Validity of Generalization in Science. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 81–91.

Поводом к написанию данной статьи послужила статья Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой (в дальнейшем — оппонентов) «Об одном маркемологическом исследовании, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам» [Зевахина, Филиппова 2024].

Ограничены объемом статьи, остановимся на самых существенных моментах.

Вначале поясним, что такое *маркемология* и ее основное понятие — *маркема*.

Маркемология — лингвистическое направление, предлагающее формально-содержательный подход к исследованию текста.

Основные постулаты маркемологии:

- авторская интенция определяет содержание текста и выбор языковых средств ее реализации;
- частота слова в тексте есть равнодействующая двух закономерностей: объективной — языковой и субъективной — текстовой;
- авторский вес** слова в тексте зависит от соотношения двух параметров: субъективно-объективного — частоты и объективного — длины слова;

Повышенная частотность слова со временем уменьшает его длину. Как показал Дж. К. Ципф, в общем случае чем употребительнее слова, тем они короче, и наоборот — чем они длиннее, тем меньше их частота [Zipf 1935].

Авторский вес слова — это, так сказать, «сверхнормативная» частота слова, не объяснимая его длиной. Это и есть субъективная составляющая частоты слова, идущая не от языка, а от автора и его творческой задачи.

- авторский вес равный ИнТеМу (*Индексу Текстуальной Маркированности*) слова служит критерием выделения текстуально маркированной лексики;
- текстуально маркированная лексика служит источником выделения особого типа ключевых слов текста — **маркем**;
- маркемы фиксируют основные темы в творчестве автора и дают информацию о доминантах его художественного мира, мыслимых как активные сущности [Артемова 2020: 10].

Не каждая текстуально маркированная словоформа является маркемой. Маркема — это одна из 50-ти ключевых словоформ с максимальным значением ИнТеМа, прошедшая через 7 установленных фильтров, позволяющих отсечь маркемологически неинформативную лексику, к которой, в частности, относятся слова, отвечающие на вопрос «**О чём** текст?». К **маркемам** же относятся текстовые слова, отвечающие на вопрос «**Для чего** текст?», т. е. какое послание хотел передать людям автор своим текстом.

Как справедливо отмечает М.С. Потехина, «изучение ключевых слов в пределах группы текстов позволяет сделать акцент на близости данного языкового факта, т. е. актуализирует возможность ключевых слов представлять описание текста, маркировать его, соотносить с другими текстами, шире — **анализировать литературный язык на определенном этапе развития**», что, собственно, и определяет цель проведенного исследования [Потехина 2017: 286].

Основное возражение оппонентов вызвал качественный состав маркемных списков, а именно — тот факт, что в нем преобладает лексика романского происхождения.

Рекомендуем оппонентам ознакомиться с исследованием истории развития английского литературного языка В.Н. Ярцевой, указывающей на то, что результатом завоевания Англии норманнами в 1066 г. стала замена многих исконно английских слов французскими без существенного изменения их семантического объема, а убедительным свидетельством воздействия французского языка на английский «является наличие громадного количества лексем французского происхождения в словарном составе английского языка» [Ярцева 1985: 97]. Кроме того, преемственность литературного языка была нарушена закрытием или переходом в руки англо-норманнских писцов англосаксонских официальных центров письменности. Хотя «английский язык никогда не был единственным языком, который употреблялся в Британии» [Strang 1970: 39], указанные обстоятельства, а также тот факт, что генетически лексический состав английского языка почти на 70 % складывается из заимствований, основная часть которых романские, позволили некоторым лингвистам отнести современный английский язык по шкале генеалогической классификации «не к группе германских языков, а определять его как **романо-германский**» [Там же: 87]. Сходной точки зрения придерживался и Т. Лаунсбери: «Множества слов англосаксонского языка больше не существует в нашем языке, хотя бы и в измененной форме. Их место восполнено заимствованиями из других языков, особенно из латинского и французского. Заимствование осуществлялось в таких масштабах, что, если говорить только о лексике, возникает сомнение, является ли наш язык германским или романским» [Lounsbury 1906: 29].

Таким образом, преобладание слов романского происхождения в английском **литературном языке** обусловлено, в первую очередь, экстралингвистическими факторами.

Оппоненты не точны, утверждая, будто бы лишь 7 из 50-ти маркем имеют англосаксонское происхождение [Зевахина, Филиппова 2024: 116]. Указав *misunderstanding*, они выпустили из виду наличие в маркемном списке *understanding*, а наряду с ним отказали в англосаксонских корнях еще и *knowledge*, *workmanship*, *friendship*. Кроме того, в маркемном списке О. Уайлда находится не 3, а 7 слов с англосаксонским суффиксом *-ness*. В итоге в маркемном списке писателя слов полностью англосаксонского происхождения, а также имеющих в своем составе англосаксонские словообразовательные элементы — 15, или 30 % от общего числа маркем. Исходя из вышеизложенного, пресуппозиция поставленного оппонентами вопроса, подразумевающая непременное преобладание среди маркем германской лексики, представляется, во-первых, неточной в частностях, а во-вторых,

основанной на непонимании природы маркем и литературного языка, по существу.

Теоретическая база исследования подробно освещена в рецензируемой монографии [Артемова 2020: 31–35]. Тем не менее уважаемым оппонентам метод определения ИнТеМа как разности веса словоформы по частоте и по длине показался «экзотическим» [Зевахина, Филиппова 2024: 114].

Это определение можно принять, понимая экзотический как ‘малоизвестный, нетривиальный, оригинальный, новый’.

Между тем маркемология уже прошла серьезную научную апробацию, получив положительный отзыв от Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН и Института языкоznания РАН.

Повторим: функционирование словоформы в тексте характеризуется двумя составляющими: ее длиной и частотой употребления в тексте. Длина слова является объективным (языковым) параметром, над которым не властен автор текста. Частота употребления словоформы в тексте — равнодействующая объективной (языковой) и субъективной (текстовой, или авторской) закономерностей. Таким образом, длина словоформы — это объективный языковой фактор, а частота употребления — речевой субъективно-объективный фактор. Условно говоря, для слова, длина которого равна m букв, частота употребления в данном тексте объективно должна составлять n раз. Однако на частоту употребления словоформы в тексте влияет также субъективный, т. е. авторский, фактор — x , превращающий n в $n+x$. Поэтому, чтобы определить субъективный фактор, достаточно вычесть объективный фактор (вес словоформы по длине — m) из субъективно-объективного (вес словоформы по частоте — $n+x$), т. е. из частотной равнодействующей словоформы вычесть языковую составляющую. Полученная разность, или ИнТеМ, и будет указывать на степень субъективной (авторской, текстовой) весомости данной словоформы для данного текста. Вычисление ИнТеМа осуществляется по формуле

$$\text{ИнТeM} = \text{Ч-вес} - \Phi\text{-вес},$$

где Ч-вес — относительная частота словоформ, а Φ -вес — их функциональный вес (зависящий от длины словоформы). Каждый из весов для каждой словоформы определяется по формуле, предложенной В.Т. Титовым:

$$P_{r_i} = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где Σr — сумма единиц всех рангов (т. е. общее количество словоформ в данном тексте), R_{1-i} — сумма единиц от первого до данного ранга.

Ранги присваиваются словоформам в порядке убывания их частоты и возрастания длины [Титов 2004: 15].

Из возражений авторов статьи вызывает удивление их несогласие с переводом *consternation* как ‘ужас’ на том основании, что в словаре Мультитран данное слово имеет значение «внезапный испуг; оцепенение от страха» [Зевахина, Филиппова 2024: 115]. В словарях английского языка представлены следующие толкования слова *consternation*: ‘a feeling of shock or worry’ [Longman Dictionary of Contemporary English 1995]; ‘a worried, sad feeling after you have received an unpleasant surprise’ [Hornby 1987]. В Малом академическом словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой слово *ужас* толкуется как «1. чувство, состояние очень сильного испуга, страха; 4. крайнее изумление, негодование, расстройство и т. п., вызванное чем-л. неприятным, неожиданным» [Евгеньева 1985–1988]. Как видим, 1-е и 4-е значения слова *ужас* в русском языке включают и внезапный испуг, и страх, вызывающий оцепенение, и другие проявления отрицательного психоэмоционального состояния, что вполне согласуется с толкованием слова *consternation* в английских словарях.

Критически оценивая маркемный список Оскара Уайлда с позиции длины слова, оппоненты обосновывают свои возражения тем, что «в сознании поклонников слова [интересно, сознание скольких поклонников и каким образом было обследовано уважаемыми рецензентами — О.А.], связанные в их представлении с творчеством автора, в большинстве своем будут короткими: *love* ‘любовь’, *life* ‘жизнь’, *art* ‘искусство’, *culture* ‘культура’, *beauty* ‘красота’, *wonder* ‘чудо’». Не беремся возражать. Эти понятия в той или иной мере составляют эстетическую философию О. Уайлда.

Однако в художественном тексте всегда присутствует то, **о чём** повествуется (т. е. тематический план, и приведенные примеры хорошо в него вписываются) и то, **ради чего** повествуется (т. е. аксиологический план, составляющий часть художественной картины мира писателя). В художественном тексте находит свою реализацию ценностная парадигма автора, направленная на формирование ценностных ориентиров читателя, что является специфической чертой, характеризующей художественный дискурс.

Что же, по данным литературоведов (см., например, [Луков, Соломатина 2007]), составляет основные ценностные ориентиры О. Уайлда и как они согласуются с составом маркем писателя? В общем смысле — это взаимосвязь «добра» и «зла», рассматриваемая сквозь призму морали и нравственности, иными словами — личность (индивиду) с присущими ему качествами в отношении к обществу, искусству и жизни. Оценим с этих позиций список маркем Уайлда с доминантой *self-consciousness* ‘самосознание’ и вице-

доминантной *picturesqueness* ‘красочность’. Внимание писателя к личности человека подчеркивает наличие сразу трех маркем: *individualism* ‘индивидуализм, индивидуальность’, *individuality* ‘индивидуальность, личность’, *personality* ‘личность’, а также маркемы, связанной с человечеством — *civilisation* ‘цивилизованный мир’. Не имея возможности охарактеризовать весь маркемный список писателя, отметим, что выделенные маркемы вполне согласуются с ценностными и эстетическими ориентирами О. Уайлда, установленными исследователями его творчества. В этой связи вновь вызывает недоумение то исключительное значение, которое оппоненты придают происхождению маркем.

Что же касается скепсиса оппонентов относительно важности «двух слов» в развитии языка национальной литературы, отметим следующий фрагмент из отзыва Института русского языка им. В.В. Виноградова на кандидатскую диссертацию А.В. Кашкиной: «Один из значимых результатов исследования — выявление маркем-доминант, выражавших в сжатом виде жанрово-тематический облик поэзии того или иного хронологического среза (например, слово *добродетель* для XVIII в., *воспоминание* — для первой трети XIX в.), нескольких срезов (*человек* — для 1920–1950-х и 1960–1980-х гг.) и носящих общепоэтический характер... Нельзя не согласиться... в том, что воспроизведимость большинства маркем на протяжении истории русского поэтического языка говорит о высокой степени его преемственности и единстве... Причем синхронно-диахронический подход в сочетании с особенностями маркемной методики позволяет обнаруживать преемственность авторов и в конкретных чертах их поэтической техники, в выборе слов определенного типа».

Среди 50-ти интегральных маркем в проведенном нами исследовании есть как *сквозные*, представленные во всех срезах (их 5), так и маркемы, встречающиеся как минимум в двух срезах. Безусловно, не все из 50 интегральных маркем, объединяющих тексты 8-ми хронологических срезов, равнозначны. Самыми информативными среди них являются две первые маркемы с максимальным интегральным весом: первая из них называется *доминантной*, а вторая — *вице-доминантной*. Они подробно анализируются в монографии отдельно от остальных маркем в каждом хронологическом срезе и всем 400-летнем периоде в целом.

Далее оппоненты сетуют на то, что при изучении предложенной в монографии семантической классификации маркем «читателю явно не хватает объяснений со стороны автора, что она имеет в виду под качественными понятиями» [Зевахина, Филиппова 2024: 118]. Эти объяснения даны на с. 45 монографии: «Семантический блок

качественных маркем (Себ КачМ) составляют маркемы, характеризующие качества, присущие человеку (*tenderness* ‘нежность’, *jealousy* ‘ревность’, *patience* ‘терпение’), качества окружающего мира (*picturesqueness* ‘красочность’) и т. п.» [Артемова 2020: 45].

Отвечая на вопрос оппонентов, почему слово *understanding* в семантическом блоке «межличностные отношения» переведено как *взаимопонимание*, приведем его значения по данным Оксфордского словаря: 1. **understanding (of something)** the knowledge that somebody has about a particular subject or situation; 2. ability to understand why people behave in a particular way and to forgive them when they do something wrong **understanding between A and B** We are looking for a **better understanding** between the two nations [Hornby 1987]. Таким образом, в своем втором значении *understanding* означает согласие в отношениях, т. е. *взаимопонимание*, что мы и наблюдаем в следующем отрывке, взятом в качестве примера из романа У. Коллинз *Armadale*:

Only yesterday, the lawyers on both sides came to an understanding.
<...> *And this is what the two lawyers have settled between them* [Collins W. Armadale:332].

Возражение оппонентов вызвал также перевод *tenderness* словом ‘доброта’. Возражение вызвано отсутствием в значениях прилагательного *tender* слов *kind* или *kindly* ‘добрый’ [Зевахина, Филиппова 2024: 118]. Однако в том же Оксфордском словаре находим: *tenderness* — 1. The quality of being **kind**, gentle and loving She always treated him with tenderness and compassion [Hornby 1987]. Комментарии излишни. Что касается контекстуального разрешения многозначности, то каждое из приведенных оппонентами слов проверялось по контекстам вручную, а «при семантическом структурировании маркем мы учитывали тот факт, что ряд маркем выражают несколько маркемных значений, в связи с чем было принято решение включать их при необходимости одновременно в несколько семантических блоков с сохранением характеризующих эти маркемы параметров» [Артемова 2020: 58].

В заключение оппоненты задаются вопросом адекватности метода исследования, вызванным наличием 24 совпадающих маркем в маркемных списках Дж. Оруэлла и А. Мердок, поскольку, по их мнению, научный интерес представляет частное, индивидуальное, а не общее, объединяющее столь различных авторов. Но при всем своеобразии и уникальности каждого автора не стоит забывать, что все вместе они создают то, что называют английской литературой и языком английской литературы.

Изучая общее, наука не может обходиться без обобщений разной степени. Поэтому установление типичного в языке литературы не

менее важно, чем установление своеобразия идиостиля отдельного автора (что также делает маркемологию). Подойти к установлению того типичного, что в аксиологическом плане определяет английскую художественную прозу и характеризует ее как единый культурный процесс, и было призвано проведенное нами маркемологическое исследование.

Любое серьезное исследование не лишено недостатков, часть из которых уже получила анализ. В частности, это относится к вызвавшему возражение термину *маргинал*, соотносимому в маркемологии с понятием ‘край, граница’ — *margin*: писатели, располагающиеся на периферии ранжированной по маркемным весам группы авторов, в маркемологии именуются *маргиналами*. Действительно, в общеупотребительном языке за его омонимом закрепилось пейоративное значение, влияющее на восприятие данного термина и потенциально переносимое на писателя. С другой стороны, термин *маргинал* входит в парадигму: *нуклеар* — *медиар* — *маргинал*, что соответствует понятиям «типичное — особенное — нетипичное».

Переосмыслен подход и к семантическому структурированию маркем с использованием в качестве метаязыка исключительно русского языка.

Мы благодарны оппонентам за конструктивные замечания относительно не вполне удачного термина *стилистическая нейтральность*, за внимание к техническим деталям, а также за возможность познакомить читателей журнала с относительно новым нестоличным направлением в цифровой гуманитаристике — *маркемологией*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зевахина Т.С., Филлипова М.М. Об одном маркемологическом исследовании, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 111–124.
2. Zipf G.K. The Psycho-Biology of Language Cambridge. 1935.
3. Артемова О.Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза: Моногр. / Под ред. проф. А.А. Кретова. Воронеж, 2020.
4. Потехина М.С. Проблемы ключевых слов в филологии / М.С. Потехина // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 284–287.
5. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М., 1985.
6. Strang B.M.H. A History of English. L., 1970.
7. Lounsbury T.R. History of the English Language. L., 1906.
8. Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2007. № 1. С. 81–90.
9. Титов В.Т. Частная квантиitative лексикология романских языков: Монография Воронеж, 2004.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow. 1995.

11. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1987.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Collins, Wilkie Armadale [Электронный ресурс] / Wilkie Collins. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1895/1895-0.txt> (дата обращения: 30.06.2018).

REFERENCES

1. Zevakhina T., Philippova M. Ob odnom markemologicheskem issledovanii, ili mozhno li svesti chetyre veka anglijskoj literatury k dvum kluchevym slovam [On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*. 2023, no. 1, pp. 111–124. (In Russ.)
2. Zipf G.K. *The Psycho-Biology of Language*. Cambridge. 1935.
3. Artemova O.G. *Yazykovye klyuchi k anglijskoj literature ot Shekspira do Faulza: monografija* [Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles: Monograph]. Ed. by Prof. A.A. Kretov. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020. (In Russ.)
4. Potekhina M.S. Problemy klyuchevyh slov v filologii [Problems of Keywords in Philology]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2017. T. 17, Issue 3, pp. 284–287. (In Russ.)
5. Yartseva V. N. *Istoriya anglijskogo literaturnogo jazyka IX–XV vv.* [9th–15th Century History of English Literary Language] Moscow: Nauka, 1985. (In Russ.)
6. Strang V. M. H. *A History of English*. L., 1970.
7. Lounsbury T.R. *History of the English Language*. L. 1906.
8. Kretov A. A. Metod formal'nogo vydelenija tematicheski nejtral'noj leksiki (na primere staroslavjanskih tekstov) [A Method of Formal Identification of Thematically Neutral Words]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: System Analysis and Information Technologies*. 2007, no. 1, pp. 81–90. (In Russ.)
9. Titov V.T. *Chastnaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh jazykov*: Monografiya [Specific Quantitative Lexicology of Romance Languages: Monograph]. Voronezh: VSU Publishing House, 2004. (In Russ.)
10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Harlow. 1995.
11. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford. 1987.
12. *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [The Dictionary of Russian Language in 4 Volumes]. RAN, In-t lingvistich. issledovanij; pod red. A. P. Evgen'jevoj. 4-e izd., ster. Moscow: Russkij jazyk; Poligrafresursy, 1999. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

Collins, Wilkie Armadale. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1895/1895-0.txt> (accessed: 30.06.2018) (In Eng.)

Поступила в редакцию 28.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 15.11.2025

Received 28.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 15.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Ольга Григорьевна Артемова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и технологии перевода Воронежского государственного технического университета; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета; olgaartemova65@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Artemova — Prof. Dr., Department of Foreign Languages and Translation Technology, Voronezh State Technical University; Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University; olgaartemova65@yandex.ru